

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

**ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР
О ДЕТЕКТИВЕ**

ЗАГАДКИ

Наталия ИЛЬИНА

БЕЗ РАЗГАДОК

«Литературная газета», 1971, № 4, с. 4-5

Я ЛЮБЛЮ детективы. И присоединяюсь к словам одного из участников дискуссии о детективе, развернувшейся на страницах «Литературной газеты»: «...надо утверждать детектив как полноценный, полнокровный, подлинно литературный жанр».

В настоящем детективе и истине приводят наблюдательность, логика, аналитический ум разгадчика тайны. Автор держит читателя в курсе его наблюдений, но о выводах умалчивает и тормозит разгадку, толкая читателя на ложные следы. У классика жанра — Конан Дойля — эту нагрузку (не туда толкать читателя) несут доктор Ватсон и казенный сыщик Лестрейд. Ватсон неверно понимает значение улики, а Лестрейд делает ложные разгадки. Кроме того, Ватсон ведет повествование, подает реплики, по словам В. Шкловского, «служит мальчишкой, подающим Шерлоку Холмсу мяч для игры». Эту же роль в ряде романов Агаты Кристи играет при сыщике Пуаро капитан Гастингс. Бывает и иное построение детектива. Читателю преступник известен, сыщику — нет. Интерес тут в борьбе между сыщиком и преступником: чем увертливее и хитрее преступник, чем умнее и находчивее сыщик — тем борьба увлекательнее.

Хороший детектив несомненно нужен читателям. Очень, мне кажется, верно сказал один из работающих в этом жанре писателей: «Существуют в жизни трамваи, троллейбусы, гоночные автомобили, и каждый из них полезен обществу по-своему».

Это было сказано на дискуссии, посвященной жанру детектива, в «Литературной газете». Но вот что интересно: некоторые авторы, работающие (как до сих пор казалось) в этом жанре, от жанра отмежевывались! Один предлагал изъять из обихода термин «детектив», другой — термин запретить! Этот другой добавил: «...речь нужно

вести не о том, что существует детективная литература, а о том, что в настоящее время многие писатели создают литературные произведения, в основе сюжета которых лежат преступление и поиски преступников».

Как понять эти слова? Но вот еще один выступавший заявил, что ряд авторов занят «изображением жизни и труда человека в милицмейской форме», и я догадалась, в чем тут дело.

Ряд авторов, пишущих о милиции, восстает против шаблонных представлений: если герои повествования — милиционеры, то это непременно детектив. А вот не непременно! Пусть рассказано о работе милиции, пусть фабула почерпнута «из скупых строчек судебного дела», а все же это не детектив!

В самом деле — НЕ детектив! И я вспомнила: были случаи, когда, схватив в библиотеке затрепанную книжку в надежде, что это детектив, я вскоре убеждалась — ничего подобного. Попалась мне как-то «повесть о буднях милиции» — «Сто первая версия». Автор — М. Левин. Находясь в плену шаблонных представлений, я подумала: а, милиция! Значит, детектив. Первые страницы мою надежду оправдывали: начинается прямо с трупов. В управление милиции сообщают: на Орлиной сопке обнаружены трупы двух геологов. Оперативная группа мчится туда.

У полковника, отправившего группу, — «красивое, выразительное лицо». У майора Леднева, группу возглавившего, — «крупное лицо с правильными сильными линиями носа и

подбородка». О лицах капитана Бабаева и следователя Фазылова не сказано ничего. Известно, что у одного «с проседью усы», а второй бреет голову.

В сумочке погибшей женщины-геолога обнаружено письмо ревнивца-мужа. Справившись у полковника с красивым, выразительным лицом о местонахождении геологической партии, Леднев едет туда. У начальника партии Ер-

гина «лицо суровое, обветренное». У парторга — «очки, черная шевелюра». Леднев спрашивает: что за человек Голубев, муж убитой? Он «тяжело» любил жену, писал ей письма — то «резкие», то «нежные, взволнованные». «Я бы никогда так не написал», — говорит Ергин. Но почему ему известны чужие письма? Оказывается, сама покойная Голубева любила читать вслух взволнованные письма мужа в тесном кругу сослуживцев...

Голубева приглашают в милицию. У него «яркие, чуть вздрагивающие губы... загорелая шея». «Голубеву не часто приходилось бывать в милиции, и он чувствовал себя неуютно». Да уж какой уют! Ему, еще не знающему о гибели жены, не говорят о причинах вызова. Леднев просто стал его спрашивать: где родился, женат ли, а Фазылов поинтересовался, любит ли Голубев жену. Тому бы отвечать, а он все любопытствовал: почему допрашивают? Но вот «Леднев мягко сделал ему замечание», и тут Голубев понял: если человека вызвали в милицию и спрашивают, любит ли он жену, — отвечать надо.

Голубев в смерти жены неповинен. Леднев с его красивым выразительным лицом... Или оно у него суровое, обветренное? Вспомнила сильные линии носа! И так, Леднев с его сильными линиями носа продолжает поиски. Подозрение падает на некоего Горбунова. Лейтенант Джураев беседует с легкомыс-

ленной Валецкой, любовницей подозреваемого. «В ее глубоких зеленых глазах затаился испуг... губы дрожали...» Видно, и она неуютно себя чувствует в присутствии сотрудника милиции. Но это пройдет. У Голубева тоже вздрагивали губы, а потом он освоился.

Появляется еще один подозреваемый, и Фазылов с его черной шевелюрой... Нет, шевелюра у кого-то другого. У Фазылова — усы и шея. Нет, шея у Голубева.

Трудно было с наружностями: я все их путала! Перевернув страницу, тут же забывала, у кого были глубокие глаза — у легкомысленной Валецкой или у покойной Голубевой. Напрягаясь, вспоминала, что у покойной, судя по портрету, глаза были «огромные, черные» и еще был «непослушный локон». А мне этот локон все хотелось пересадить на легкомысленную Валецкую! Наружности в этой повести существовали отдельно от персонажей. Никак нельзя было запомнить, у кого очки, у кого усы, у кого шея...

Леднев листает судебное дело. Оно цитируется. Вор «путем подбора ключа» вы-

носил из квартир разные вещи. Они перечисляются: «...шарф белый... кофта розовая недошитая... комбинация зеленая трехстежная... наволочка розовая... свиные окорока... слабого копчения...»

Путаясь в свиных окороках и недошитых кофтах, я, однако, старалась удерживать эти предметы в памяти —

зачем-то они нужны! Но повесть шла к концу, а наволочки и окорока с их слабым копчением повисали в воздухе. И я вот в чём заподозрила автора: он не учел, что подробное описание украденного, существенное для милицкого протокола, для беллетристики существенно не всегда. И вообще казалось, что язык документов автору привычнее, чем язык беллетристики. Не потому ли много цитат? Когда автор прибегал к беллетристическому изложению, из-под его пера выходило вот что:

«Приехали?.. — Почти, — согласился Леднев». «Вы любите свою жену?.. — Конечно, — сразу согласился Голубев». «Разве так приглашают? — возразил Леднев». «— Какой он из себя? — уточнил Джураев».

Не так, оказывается, просто расставить по местам все эти «возразил», «уточнил» и «согласился»! Автору, во всяком случае, разобратся в этом не удалось. Язык документов проще. Там не надо выбирать между «сказал», «сооб-

щил», «вымолвил». Там одно-единое слово: «показал». «Потерпевший показал», и все тут. «Путем подбора ключа». «После отбытия наказания». «По этому делу проходил». Такими выражениями автор владеет свободно. Не потому ли они встречаются не только в речи персонажей, но и в его собственной? «Непослуш-

ные локоны» и «мраморные лица», стоящие рядом с глаголами типа «зачитал» и «показал», придают повести аромат своеобразный и в детективе необязательный. Однако это не детектив! Вместо того чтобы с напряженным интересом следить за поединком сотрудников милиции с преступниками, читатель поминутно теряет нить повествования. То путается в наружностях, то старается решить за автора, куда поставить слово «уточнил», то делает бессмысленную работу, запоминая унесенные вором предметы... Это, конечно, напряжение. Но не то напряжение!

В журнале «Простор» я наткнулась на «Дело Марины Мнишек» М. Рогового. Подзаголовок: «повесть-детектив». На шоссе обнаружен труп. Туда мчится оперативная группа. Ее отправляет полковник, «высокий, стройный, подтянутый», а возглавляет майор «с мясистым носом». Но наружности не путаются. Нос Пахомова не пересадишь на стройного полковника, в которого влюблена журналистка Баля. Устами Вали и изложены обстоятельства дела.

Преступники тут — лю-

ди, на первый взгляд, пристойные: работник типографии Сирота и старушка библиотекаря Се-рафима Бурак. Это ее брата сбил на шоссе грузовик. В кармане у брата — фальшивые десятки. Некий Морозов, случайно оказавшийся на месте происшествия, навлекает на себя подозрения. И что же выясняется? Что он не Морозов, а Сибирцев. А потом выясняется, что он не Сибирцев, а вовсе Дядькин. Этот Морозов — Сибирцев — Дядькин, равно как и Бурак, распространял фальшивые деньги, которые печатал Сирота. А потом выясняется, что Бурак не Бурак, а библиотекаря ему не сестра. За ее невинной старушечьей наружностью скрывалась страшная преступница. Старуху вывели на чистую воду, деваться ей некуда, и тут она кричит о «сладости власти» и сознается, что Марина Мнишек — ее любимая героиня... Затем выясняется, что некий Ушаков совсем не Ушаков, а лейтенант Алексеев. Едва успеваешь опомниться, как выясняется: Ушаков и есть Ушаков. Это Валя для украшения своей повести придумала, что Ушаков — Алексеев. Полковник Исаков Валю поправил: органы МВД своих сотрудников к уголовникам не засылают. Валя поправку дала, а куда исчез Алексеев, не сообщила. А был ли Алексеев? Листаем назад. Был. Куда ж он делся?

Мало того. Журналистка Валя постоянно пишет о своей влюбленности в стройного полковника. Вдруг выясняется: не в него она влюблена. В кого же? Быть может, невзирая на мясистый нос, в майора Пахомова? Или в Дядькина, который в конце повести обнаруживает сильные признаки раскаяния? Но это так и не выясняется.

Столько в этом произведении подстерегало неожиданностей, что я была готова к тому, что Валя окажется не Валею, а лейтенантом Алексеевым... А преступная библиотекаря

— старушка ли? А вдруг старик?

Напряженно читается повесть. Но это опять-таки не то напряжение! Не говоря о том, что ряд загадок остается неразгаданным, вопросы — без ответа. Подзаголовок оказался обманчивым.

А ПОЧЕМУ БЫ мне, между прочим, не познакомиться с лучшими образцами произведений, посвященных милиции? Трое участников дискуссии в числе лучших называли работы братьев Вайнеров.

Итак, «Часы для мистера Келли».

Повествование тут льется свободно, язык затейлив. Тут не скажут: «За дверью было тихо», — а выразятся изысканнее: «За дверью плавало длинное безмолвие». Голоса тут не просто слышны в телефонную трубку, а «бьются в мембране телефона». «Молнии судорогой» сводят «небо», «квас» имеет «вкус счастья», персонаж (отрицательный) сшивает «сухую прорезь рта в одну нитку». Машина (персонажа отрицательного), «гася скорость», стала прижиматься к асфальту, как напуганная собака». Машины положительных замедляют ход и жмутся к асфальту, видимо, как-то иначе.

Здесь толк в вещах принимают. Тут не встретишь провинциальных кроватей с никелированными шарами, которые простодушный автор «Дела Марины Мнишек» называл «нарядными». Розовых наволочек и окороков «Сто первой версии» тоже не встретишь. Здешние преступники окружают себя вещами изысканными, заграничными. Костюмы на них «дакроновые» и «териленовые». Курят «Кент», «Марльборо», «Пэл-мэл» («изящные пачки», «соусированный табак»), пользуются зажигалками «Ронсон». Конфетку кратко называют «Камю». «— У нас еще есть «Камю»? Налей мне рюмочку». Мокасины кратко называют «мокасы». «Пропали мои итальянские мокасы», — думает инспектор Тихонов, оступившись в лужу.

Надо заметить, что все эти машины, «рубашки-гавайки», зажигалки, сигареты — словом, все, за исключением итальянских мокас инспектора Тихонова, приобретено на нетрудовые доходы. Орудуют воры, крадущие детали и часам «Столица». Детали сплавляют за границу. Воров возглавляет подпольный миллионер Балашов, заведующий часовой мастерской. Подручные Балашова — Джага и Крот. Был еще подпольный миллионер Коржаев, но того вскоре убили.

Герои повествования — инспектор ОБХСС Приходько и инспектор милиции Тихонов. Если бы перед нами был детектив, то следовало ждать интересной, напряженной борьбы между преступниками и сотрудниками милиции.

Борьба тут есть, однако особой пронизательности и логики сотрудники милиции не проявляют — им это не нужно. Их путь устлан цепью счастливых случайностей.

В кармане Коржаева, попавшего под машину, случайно оказалась баночка с часовыми деталями. Затем Коржаева убивают, и он случайно не успел отправить письмо, и вот в руках у милиции — адрес преступника Джаги. Соседка Джаги, пенсионерка Захарова, берется за ним приглядывать. Захарова считает, что поговорка «не пойман — не вор» придумана жуликами. Видимо, она хотела бы, чтобы людей впредь называли ворами, опираясь не на доказательство, а на наблюдения соседей. Так или иначе, но вот уже милиции сообщен номер такси, на котором уехал Джага. Разыскать таксиста нетрудно. И вот в руках милиции адрес дачи Балашова.

Нелегко понять, почему милиция раньше не приглядывалась к Балашову. И куда смотрели соседи? Конечно, что там ни говори пенсионерка Захарова, положение «не пойман — не вор» пока в силе — нужны доказательства. Но на заводе-то давно знали об исчезновении часовых деталей. А рядом заведующий гарантийной мастерской ведет роскошную жизнь...

Но идем дальше. Адрес балашовской дачи известен. Сотруднице милиции Вале поручено снять комнату и следить за дачей. Валя с дочкой едет в Жаворонки.

Разгар сезона. У первой встречной Валя узнает, где сдаются комнаты, а вторая встречная комнату сдает. Редкое везение! Мало того. Дача, где поселилась Валя со своей «курносой девчушкой», находится забор в забор с балашовской! Нежась с книжкой в гамаке, Валя без усилий слушает беседы Балашова с женой и наблюдает за его посетителями.

А когда инспектору Тихонову понадобилось узнать, кому принадлежит белый «мерседес», стоящий у подъезда отеля, то (надо же!) Тихонов напал на ту самую девушку, которая как раз сегодня оформила выездные документы владельцу «мерседеса»! Тихонов и не спросил ничего. Просто стал сыпать остротами, девушка находчиво острила в ответ, и в этом искрометном диалоге с упоминанием Сократа все и выяснилось...

К какому жанру отнести эти произведения? Мне показалось, что в манере освещения труда человека в полицейской форме у всех авторов (и более опытных, и менее опытных) есть нечто общее. Рождается новый жанр?

Если он рождается, то из недр детектива, ибо налицо остаточные явления этого жанра. Речь идет о появлении трупов в самом начале повествования. И об утеплении образов разгадчиков тайны...

Чтобы читателя не слишком подавляли наблюдательность и логика разгадчика, образ принято оживлять или милыми слабостями, или иными симпатичными чертами. Такова международная традиция. Сименоновский Мегрэ — примерный семьянин. Сыщик Пуаро тщеславится своими усами. Стремление утеплить основного героя замечается и в произведениях данных авторов, хотя их герои не подавляют читателя ни наблюдательностью, ни умом...

Вот майор Леднев из «Сто первой версии». Он вспоминает сына, звонит жене, снимает свой плащ, чтобы набросить на плечи озябшего, дежурит всю ночь рядом с убитым горем вдовцом и кипятит ему чай. Идучи в больницу по делу службы, майор покупает дыню и виноград. Это-то и смутило больничных персонал: Леднева с его дыней про-

пускать не хотели, не верили, что он по делу пришел. Персонал мыслил примитивно — или служба, или дыня... Кроме того, Леднев имеет питомцев среди раскаявшихся уголовников, пишет им письма и затем гуляет на их свадьбах. Таких же питомцев имеет полковник Искаков («Дело Марины Мнишек»). Он утеплен также воспоминаниями о покойной жене, «белобрысеньким» сыном и тем, что, как простой смертный, страдает болезнью печени. Майор Пахомов утеплен симпатичной страстью к рыбной ловле: «на соленых озерах такой клева!»...

Инспектора Тихонов и Приходько утеплены милыми слабостями. Тихонов любит сладкое, но стесняется этого и пьет воду с двойным сиропом, лишь когда рядом нет знакомых. А гроза жуликов Приходько спрашивает: «—...куда уходят поезда метро?.. Я еще когда совсем маленьким был, ужасно интересовался этим вопросом... — В тебе еще не завершилась мутация. Детство в одном месте играет», — отзывается Тихонов. Этим вот играющим в одном месте детством и утеплен Приходько.

Инспектора умеют найти подход к каждому. Допрашивая любовницу Крота, Тихонов сразу непринужденно называет ее Лизой. Тон беседы дружелюбен, минутами почти родствен: «— Лиза, мы условились говорить правду». Это стиль работы любящего двойной сироп Тихонова.

С мальчиками-«близнятами», живущими в соседней с Лизой квартире, Тихонов сразу заговорил о хоккее. Ребятишки оживились, угостили квасом и много интересного наболтали о соседях. Что касается пенсионерки Захаровой, то с ней Тихонов — как почтительный сын. А она ему сразу на «ты». «— Садись, садись, молодец... Рассказывай, с чем пожаловал». Вскоре эта былинная старуха Тихонову звонит: «— ...тебе Захарова телефонит». И упрекает по-свойски: «...номер свой дал, а на месте не сидишь».

Находит, с кем нужно, общий язык и Приходько. Надо ехать в Жаворонки. Таксист, не ожидающий вознаграждения колеблет-

ся. Приходько говорит: «Понимаешь, Женя, это очень важное дело», — и обещает отметить в путевке «среднесдельную». Шофер «махнул рукой: — Эх, где наша не пропадала!» Ясно, что этот добрый молодец и без среднесдельной готов ехать хоть на край света.

Однако дело тут не только в личном обаянии инспекторов. Просто стар и млад рвутся на помощь, жертвуя и временем своим, и интересами... Когда Крот исчез из Лизиной квартиры и скривился в Останкине, то найти его помогла старожилка этих мест Анна Марковна. С оперативниками она поздоровалась, «как со старыми знакомыми», протянула им «пачку вафель», сказала: «— подумаем, в каком доме это может быть, а вы пока погрызите». И оперативники, присмирив, как дети, грызут вафли. Вот, верно, радовался сластена Тихонов!

А майор Леднев («Сто первая версия»), разыскивая Горбунова, случайно попал в квартиру человека ни в чем не повинного. Тот отдыхал в кругу семьи. «Я, наверное, ошибся», — сказал Леднев. А что, вы думаете, сказал неповинный? «...без чая я вас не отпущу!» И майора потчуют пирожками.

Когда сотрудница милиции Валя («Часы для мистера Келли») удачно сняла дачу, то как добра оказалась хозяйка! «...посуды... тьма — бери, что хошь». И сразу Валью по-матерински на «ты». И «твоя чернушка мне заместо внучки... будет». И за девочкой присматривает: «Не подведешь меня, чернушка?» «Если будет снэзка, то прямо сейчас иду в постель, — лукаво сказала девчушка». О плате — ни звука. Не удивлюсь, если эта чудесная Арина Родионовна сдавала комнаты из одного только человеколюбия!

Голубев («Сто первая версия») лишь поначалу неуютно себя чувствовал в присутствии майора, следователя и секретаря. А по-

том — как разговаривался! О детстве, о юности, о жене. О ее нижней губке, за которую ее называли «капризулей». «У нас нет детей. Мы не виноваты», — восклицает Голубев и пристает к представителям милиции с вопросом, простит ли ему жена вспышки ревности. «Она простит? Ну, говори-те!!!» Монолог длится девять страниц.

Тут, по воле автора, отделение милиции предстает в роли некоей исповедальни, куда граждане приходят жаловаться на любовные неурядицы и оправдываются в отсутствии детей...

И эта сцена, и предыдущие, в которых рассказано об умилительных, с ходу складывающихся отношениях между представителями милиции и окружающими, являются, быть может, признаком нового жанра?

ИТАК, некоторые авторы, выступившие в дискуссии, заявили, что они изображают жизнь и труд человека в милицейской форме и не желают, чтоб эти произведения были зачислены в жанр детектива.

Если судить по книжкам, о которых речь шла выше, то и детективу они и в самом деле имеют очень малое отношение... Логика, пронизательности, аналитического ума лица, борющиеся с преступниками, не проявляют.

Что касается «изображения жизни и труда», то реалистично ли оно?

Пусть меня поправляют, но в одном я буду упорствовать: писать о милиции надо серьезно. Показывать в облегченном виде трудную, умную, опасную работу того, кто раскрывает преступления, устала его путь счастливыми случайностями, — это или литературная неумелость, или недостаточное к этой работе уважение.

Новый жанр, быть может? Однако пасторали со старухами сказительницами, «близнятами», «девчушками», «вафлями» и прочим сиропом доводилось читать и прежде. Но тут на сцене сразу появляется труп. Иногда возникают сразу и два трупа.

Пастораль, таким образом, оживлена трупами. Достаточно ли этого новшества для возникновения нового жанра? Если да, то как этот жанр назвать? Мне кажется, об этом пора подумать критикам.